

Таким образом, на 18 строк четырехстопного ямба мы имеем 14 лого-ритмических вариантов.

Перед лого-ритмическим исследованием стиха Пушкина раскрываются широкие перспективы. Как уже сказано выше, не следует, однако, тешить себя надеждой, что все стихи Пушкина подтвердят его применимость — стопроцентность методологических удач не обязательное условие: если данный метод во многих случаях поможет обнаружить и пояснить разнообразие пушкинской ритмики, то и хорошо. Мы не исходим из априорного постулата, долженствующего иметь признак обязательности, мы только анализируем имеющиеся в стихе Пушкина объективные ритмические факты.

Т. Г. Цявловская

*

«Князь Дундук»

На полях черновой рукописи статьи Пушкина «Разговор о критике» нарисован мужской профиль. Сделан рисунок очень мелко, но характер лица передан сразу, твердо, выразительно. Крючковатый нос, маленькие острые глаза за очками, рельефные губы, двойной подбородок.

Это — князь Дондуков-Корсаков, известный в анналах русской литературы благодаря знаменитой эпиграмме Пушкина «В Академии наук//Заседает князь Дундук...»

Справедливость определения портрета очевидна для всякого, кто взглянет на известный портрет Дондукова-Корсакова — в литографии. Загадкой представляется только такое раннее появление его профиля в рукописях Пушкина, — статья написана в середине января 1830 г., тогда как нам ничего не известно о знакомстве поэта с вице-президентом Академии наук и председателем Петербургского цензурного комитета до 1835—1836 гг., когда Пушкину приходилось обращаться к нему по цензурным делам.

Правда, еще в 1831 г., 21 октября, Пушкин писал графу Уварову, что «князь Дундук доставил» ему перевод стихотворения «Клеветникам России», т. е., вероятно, привез лично. Значит, какие-то встречи бывали.

Не был ли Пушкин еще в лицейские или послелицейские годы знаком с М. А. Корсаковым (двойную фамилию и титул он получил позднее)? Михаил Александрович был бра-

Некогда мне, да...
~~Самое дело~~
своего же...
авт...
своего, а...
мне...
мне...
в...
...
...

Автограф статьи А. С. Пушкина
«Разговор о критике»

том товарища Пушкина по лицу, талантливое музыканта Николая Александровича Корсакова, умершего в 1820 г.

Никаких данных о ранних встречах поэта со старшим братом своего товарища нет, да если бы и были, они бы не объясняли появления рисунка: Дондуков-Корсаков изображен Пушкиным с двойным подбородком, уже немолодым

А не встречался ли с ним Пушкин у самого старшего брата, Петра Александровича, посредственного литератора и цензора?

Нет! И этого не было.

Первое письмо Пушкина к П. А. Корсакову начинается словами: «Некогда, при первых моих шагах

на поприще литературы, Вы подали мне дружескую руку» (Пушкин вспоминал здесь 1817 г., когда Корсаков, издававший журнал «Северный наблюдатель», напечатал там пять его стихотворений). «Ныне осмеливаюсь прибегнуть снова к Вашему снисходительному покровительству. Вы один у нас умели сочетать, — писал Пушкин, — щекотливую должность цензора с чувством литератора (лучших, не нынешних времен). Знаю, как Вы обременены занятиями: мне совестно Вас утруждать; но к Вам одному можем мы прибегать с полной доверенностью, и с искренним уважением к Вашему окончательному решению. Пеняйте ж сами на себя.

Осмеливаясь препроводить на разрешение к Вам первую половину моего романа, прошу Вас сохранить тайну моего имени». (Речь идет о «Капитанской дочке».)

Письмо написано около 27 сентября 1836 г. Из этого письма, как и из ответа Петра Александровича от 28 сентября, ясно, что знакомство возобновляется после очень долгого перерыва: «Приятно мне было видеть из лестного письма Вашего, что Вы не забыли старинного и всегдашнего почитателя Вашей музыки. Печатаю Ваши первые стихи в журнале моем, я гордился мыслию, что гениальный поэт, долженствовавший прославить имя свое и русскую словесность, избрал меня и журнал мой орудием

обобщения своего с отечественными читателями. Не одна дружба Ваша к покойному брату Николаю,— сознание гениальности Вашей — заставляла меня радоваться Вашим успехам. После этого, можете посудить, с каким удовольствием получил я вчера поверенное цензуре моей Ваше новое произведение! с каким наслаждением я прочел его! или нет; не просто прочел,— проглотил его! Нетерпеливо жду последующих гла...»

Судя по переписке Пушкина с Дондуковым-Корсаковым (письма сохранились за январь — апрель 1836 г.), отношения их были доброжелатель-

ные. Но дневник Пушкина за февраль 1835 г. отражает более подлинные его чувства. Он пишет: «...его «Уварова.— Т. Ц.) клевет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит».

Слово «бардаш», не зарегистрированное в словарях, означает, вероятнее всего, обитателя соответствующего «веселого заведения», т. е. мужчину, ведущего себя, как женщина легкого поведения. Было известно, что Корсаков пришел в Академию наук благодаря близости с президентом Академии Уваровым.

В письме к И. И. Дмитриеву (апрель 1835 г.) Пушкин писал об Уварове, что он «фокусник», а о Дондукове-Корсакове, что он «его паяс» (паяц.— Т. Ц.), и добавил, что «кто-то сказал» (так маскировал Пушкин собственные острые шутки в письмах и дневнике), «что куда один, туда и другой: один кувыркается на канате, а другой под ним на полу». Запись в дневнике и это письмо были вскоре (в мае — июне 1835 г.) развиты в эпиграмме:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь,
Почему ж он заседает?
Потому, что есть.

М А Дондуков-Корсаков.
Литография

Эпиграмма включает в себе два острия.

С одной стороны, тут издевательство над человеком, который прошел в Академию благодаря своей связи с президентом. С другой — выражение «Дундук» не только сокращенное обозначение фамилии князя Дондукова-Корсакова (которую Пушкин ошибочно, даже в официальных письмах, писал через «у»); это слово имеет и другое значение, зафиксированное в «Толковом словаре» Даля: бестолковый человек. Употребляется и поныне в живом языке — в смысле дурак. Этот смысл эпиграммы обычно упускают, а между тем именно этим объясняется и разночтение в тексте одной из копий эпиграммы (автограф не известен):

Говорят, не подобает
Дундукам такая честь...

Веселило Пушкина и то, что фамилия и титул князя Дондукова-Корсакова достались ему благодаря его браку (в 1820 г.) с княжной Дондуковой-Корсаковой. До брака его фамилия была просто Корсаков. Недаром в письме к Бенкендорфу Пушкин называет его: князь Дондуков, урожденный Корсаков, — формула, принятая для женщин. В сочетании с его известной репутацией это было особенно смешно.

Пушкинское выражение навсегда прилипло к Дондукову-Корсакову. Под портретом Дондукова-Корсакова в собрании Ровинского подписано рукой собирателя (или кого-то из его помощников):

В Академии наук
Заседает князь Дундук¹.

С. А. Соболевский, приятель Пушкина, писал впоследствии, что «Пушкин жалел об эпиграмме «В Академии наук», когда лично узнал Дундука»². Вероятно, это воспоминание отражает какую-то долю истины. Пушкин был человек благородный и мог когда-то и пожалеть о шалости, особенно когда она стала широко известной. Однако Соболевский, бывший в Петербурге в 1835 г., когда Пушкин написал эпиграмму, уехал в августе 1836 г. за границу и вернулся из путешествия уже после смерти Пушкина. Так что это его воспоминание, записанное в 50-х годах, относится ко времени не позднее августа 1836 г.

А из рассказа, относящегося к концу декабря 1836 г., мы узнаем иное. Пушкин позвал Краевского, заведующего корректурами его журнала «Современник», вместе поехать на публичное заседание в Академию наук. «Посмотрите, как президент и вице-президент будут торчать на моей эпиграмме», — говорит

¹ Музей изобразительных искусств имени Пушкина, отдел гравюры, инв. № 44911, ш. 21, п. 48.

² См.: М. Беляев. Соболевский о Пушкине. (Из переписки С. А. Соболевского с М. Н. Лонгиновым). — «Пушкин и его современники», вып. XXXI—XXXII. Л., 1927, стр. 39.

Пушкин. Правда, сказал он это уже после того как, давая Краевскому один свой автограф, он в рассеянности не заметил, что на обороте его была записана эта эпиграмма. Спихватился он лишь тогда, когда Краевский стал ее читать. Тут же вырвал он листок из его рук.

На заседании председательствовал вместо заболевшего Уварова Дондуков-Корсаков, «лучезарный, в ленте, звездах, румяный, и весело, приветливо поглядывал на своих соседей академиком и на публику». «Ведь вот сидит довольный и веселый,— шепнул Пушкин Краевскому, мотнув головой по направлению к Дондукову,— а ведь сидит-то на моей эпиграмме! ничего, не больно, не вертится!»³

Краевский говорил, что эпиграмма давно была известна, но что Пушкин постоянно уверял, что она принадлежит Соболевскому⁴. Тут скрывать свое авторство он уже не мог. От людей близких он его, впрочем, и не скрывал. Эпиграммой своей он был доволен и охотно цитировал ее, в конце своей жизни особенно. «Не увидимся ли в Академии наук, где заседает князь Дундук?» — писал он около 29 декабря 1836 г. В. Ф. Одоевскому перед заседанием.

Но чем же можно объяснить появление профиля Дондукова-Корсакова в рукописях Пушкина в январе — феврале 1830 г.? Это одна из множества загадок биографии Пушкина...

В. В. Пугачев

*

Пушкин и Чаадаев

В первое десятилетие после восстания декабристов наиболее крупными русскими мыслителями были Пушкин и Чаадаев. Ни Полевой, ни Надеждин не могли идти с ними ни в какое сравнение. Белинский стал широко известен лишь с середины 30-х годов, Герцен еще позже. Поэтому идейные взаимоотношения поэта и автора «философических писем» представляют особую значимость не только для литературоведов, но и для историков общественного движения.

Вся сознательная жизнь Пушкина была тесно связана с Чаадаевым. Познакомившись с ним еще в Лицее (1816), Пушкин на первых порах испытал бесспорное влияние старшего друга.

³ См.: «Русский архив», 1892, № 8, стр. 489—490.

⁴ См.: «Русская старина», 1880, сентябрь, стр. 219—220.

Академия наук СССР
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького

ИСКУССТВО СЛОВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 80-ЛЕТИЮ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
ДИМИТРИЯ ДИМИТРИЕВИЧА
БЛАГОГО

Издательство «Наука»
Москва 1973